

Циховская Э.Д.,
студентка филологического факультета,
Бердянский государственный
педагогический институт

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДТЕКСТ НАКАЗАНИЯ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЕ (на примере романа Д. Конрада "Лорд Джим")

Английский писатель Джозеф Конрад, о котором говорят, что он думал по-французски, писал на английском, а когда бывал больным, бредил на польском, родился на Украине, выполнил своё предназначение, став соединительным звеном между литературой Англии и европейского континента. Эта роль, которую первоначально возложил на него Эдвард Гарнет, его первооткрыватель и консультант, была осложнена тем, что анализируемая нами проблема была поставлена в творчестве его предшественников, начиная с середины прошлого века от Флобера до Генри Джеймса. Джозефу Конраду довелось испытать на себе влияние поэтики Достоевского, о котором весьма искренно отзывался Томас Манн: "Тень Достоевского способна поглотить трёх-четырёх таких, как Конрад"¹.

Конрад, как и Достоевский, в своём творчестве в большей или меньшей мере затрагивал проблему преступления, проблему преступного самосознания, которая относится к вечным темам мировой литературы, разрабатываемым ещё Софоклом, Данте, Шекспиром и Пушкиным. Мировая литература уделяет столько же внимания и зависимому от преступления понятию наказания как закономерному следствию содеянного. Гуманистические идеи Монтескье, Беккария и других авторов воплотились в тезисе, что умудрённый опытом законодатель лучше предупредит преступление, чем будет вынужден наказывать за него. Но, тем не менее, платоновский неразрывный мир идей остаётся по-прежнему лишь фантистически желаемым мифом, и человек случайно, инстинктивно, сознательно или оступаясь всё равно переступает черту, отделяющую его от действительности. В свою очередь само понятие наказания эквивалентно понятию преступления, так как искупление на примере романа "Лорд Джим" Д. Конрада - это добровольный акт, налагаемый самим героем на самого себя. Герой же романа Достоевского "Преступление и наказание" Родион Раскольников принимает наказание по уголовному законодательству, не испытав при этом угрызений совести.

Обратясь к теории вопроса наказания, мы увидим, что существует несколько путей воздаяния за преступление. На первое место, пожалуй, следует отнести Высший (Божий) суд как наиболее извечное, справедливое, а самое главное - неминуемое наказание. После этого идёт суд людей, при котором человек виновен в глазах общества, но одновременно его преступление ни в какой мере не преследуется законом - это так называемое преступление по отношению к обществу, судимое законами общества; затем преступление, преследуемое в порядке закона, - когда написанным законом человек виновен, хотя иногда, в то же самое время, может быть

оправдан обществом. И наконец собственный суд - суд совести, который следовало бы поставить, с нашей точки зрения, на первое место как наиболее эффективно действующий и непосредственно переживаемый суд. Ведь факт совершения преступления можно скрыть, и при этом ни общество, ни закон, а только совесть самого человека, содеявшего негативное по отношению к кому-либо, становится судьёй, наказывая, таким образом, уже одним только присутствием вины, неразделимой ни с кем.

Джозеф Конрад в предисловии к своему роману "Лорд Джим" говорит о распространённости типа главного героя этого произведения, его схожести с окружающими: "Он был одним из нас"². Матрос Джим поступает штурманом на старый, "изведенный ржавчиной" пароход с восемьюстами паломниками на борту. Когда пароход получает пробоину во время плавания, "идеальный англичанин" Джим, по мнению Евгения Головина (см. статью "Эра гинекократии" в интернете), зарекомендовавший себя храброй и благородной личностью, вдруг покидает судно вместе с командой, оставляя на произвол судьбы людей, доверенных ему. Причина, побудившая его сделать это, как таковая не ясна. Анализируя действия Джима, мы видим, что первым его побуждением было разбудить всех - обычная реакция любого человека - поделиться новостью, а потом уже трагедией ещё с кем-то. Но затем на смену первой реакции приходит разум - холодный и расчётливый ум подсказывает Джиму, что если он разбудит этих людей, то начнётся паника и всё равно никто не спасётся, так как число шлюпок ограничено.

И он принимает решение не будить никого, тем самым людям не даётся элементарного права выбора. Но делает ли он это из человеколюбия - дать людям умереть, не осознав всего ужаса происходящего, или же он просто в замешательстве и поэтому остаётся стоять недвижимо, отдавшись на волю провидения, или же это свидетельствует о слабости его духа (ведь он сложил руки, ничего не пытаясь предпринять), или же он наоборот силён уже тем, что, трезво оценив ситуацию, не пытается спасти себя, как делает это команда. Он остаётся безмолвным свидетелем щетных попыток этих маленьких людишек спастись, молча созерцая их предательство перед вверенными им людьми и не принимая ни ту, ни другую сторону. Джим ничего не делает, чтоб спасти себя или спасти людей, воздерживаясь, стоит в стороне. Но в последний момент, когда эти люди кричат ему "Прыгай!", принимая его за другого, то он прыгает: из трусости, из страха, пытаясь спасти свою жизнь, или же инстинктивно, как человек, осознавший катастрофу, но не знающий, как дальше се́й вести. Он придавлен происходящим, которое навалилась на него всей своей силой и лишило его всяких мыслей о дальнейших действиях, делая его марионеткой в тьмах бы то ни было руках. И в этот момент, когда он стоит без эмоций и мыслей, как пустая страница, его настойчиво призывают прыгать. И он, повинувшись этому зову, исполняет то, что от него требуют, не осознавая, что он делает.

"Я просто прыгнул!" - говорит впоследствии Джим. Он прыгнул неосознанно, когда он уже прыгнул, к нему вернулось как сознание, так и осознание неправильности своего поступка. Но уже поздно, ведь он прыгнул. В самом начале произ-

¹ Предисловие к немецкому переводу конрадовского романа "Секретный агент". См.: Thomas Mann. Past masters & other papers. - 1933. - P.238.

² Конрад Джозеф. Избранное: В 2-х т. - Т.1. - М.: Гос. изд. худ. лит.-ры, 1959. - С.255 (далее ссылки на это изданиеются в тексте - указывается страница).

ведения автор вводит один эпизод, на первый взгляд иначем, казалось бы, не примечательный, но впоследствии раскрывающий и влияющий на дальнейшее главное событие романа. Этот эпизод как бы послужил предпосылкой, мелкой по своим масштабам, но жизнеопределяющей в том, что должно случиться дальше. Такой себе мини-факт, при котором поведение Джима ни на чем не отражается в негативной оценке, но впоследствии, проявившись в факте с большой буквы, - оно, можно сказать, в почти аналогичной ситуации и том же поведении главного героя уже окажется преступлением.

Если юность и учение служат оправданием при совершении проступка в первой ситуации, то, когда срок обучения прошёл, взрослая жизнь налагает свой отпечаток ответственности, от которой уже никак не скрыться - за каждый проступок надо отвечать. Во время обучения на корабле Джим вместе с другими мальчиками попал в шторм, когда надо было действовать и все до одного сутились, выполняя свои функции, но он, испуганный бурей, бездействовал, остался созерцая происходившее вокруг него. Он был поражён страхом. Этот эпизод, как нельзя лучше показывает нам сущность Джима и позволяет предугадать, что случится дальше при подобных обстоятельствах. К тому же глагол, употребляемый в этом отрывке автором, усиливает значение того, что вскоре будет иметь место на страницах романа: "Капитан учебного судна опустил руку на плечо мальчика, как будто собирающегося прыгнуть за борт..." (С.260). Это "как будто собирающегося прыгнуть" - прелюдия этого прыжка, который Джим всё-таки совершил уже в зрелом возрасте и который изменит и перестроит весь последующий порядок его жизни.

Капитан Марлоу при виде Джима ищет причины, смягчившие бы его преступление, но не находит таковых - их просто нет. Марлоу признаётся, что когда впервые увидел Джима, то его облик, манера держаться, чистый и безмятежно равнодушный вид настолько не соответствовали ужасному поступку, что Марлоу начал искать какие-то мелкие, ускользнувшие от других детали, оправдывающие и объясняющие действия Джима. Очевидно, грехи должны были бы накладывать свой отпечаток не только на человеческие судьбы, но и на весь наш внешний облик: "Мне полагается распознавать людей по виду. Раз взглянув на того юношу, я доверил бы ему палубу и заснул бы сладким сном. А оказывается, это было бы не безопасно" (С.290), - говорит он о Джиме. В данной ситуации автор подчёркивает несоответствие внешнего и внутреннего облика героя.

По нашему мнению, не следует искать истоки, глубины причин и движений, побудивших Джима "прыгнуть" (так мы будем именовать его проступок). Не стоит пытаться разобраться в деталях этого позорного происшествия, ведь с тех пор как факт свершился, важны уже не причины, толкнувшие к совершению его, а причины, чаще всего до такой степени неосознанные в тот момент, когда от человека требуется действие, что в большинстве случаев сама личность не властна над последующими поступками, скорее всего человеком владеют инстинкты и мир чувственного, перед которым разум отступает даже у сильных людей. Таким образом, важны уже не причины содеянного, а то, как поведёт себя человек после этого: сможет ли он исполнить свою вину, свой грех, сможет ли он стойко и безропотно выдержать испытание наказанием.

Капитан судна "Оссы" Монтеро Брайерли, принимающий участие в разборе дела Джима в суде за нарушение профессионального долга, готов предложить ему средства к побегу, но его собеседник Марлоу считает, что "есть своего рода мужество в том, чтобы выдержать это до конца, как делает он..." (С.307). Безусловно, Марлоу прав. Сам процесс раскаяния происходит в каждом человеке по-разному. Например, для А.С.Пушкина раскаяться заключалось не в том, чтобы припомнить, простить, а потом постараться забыть. Раскаяние состояло из воскресения всех подробностей, мельчайших деталей произошедшего, в правдивом взгляде на события. Лорд Джим близок позиции русского классика на раскаяние. Всё командование "Патны" избежало судебного расследования; а Джим, чувствующий свою вину, считает непосредственной обязанностью выдержать весь стыд всемирной дачи показаний, проявляя таким образом мужество - своё природное качество, которое неказалось в момент происшествия. Именно то, что он не пытался избежать судебного следствия, и есть не просто проявление его мужества как черты характера, но и мужество, с которым он решился на отбытие наказания. Сам суд является достойным наказанием с унижением и сознанием всей вины, которое Джим выдерживает до конца.

"Я не мог удрать. Шкипер удрал, - так ему и полагалось сделать. А я не мог и не хотел... Все они выпутались так или иначе, но для меня это не годилось" (С.317), - в этих словах сквозит не столько раскаяние героя, сколько гордость. Из-за этой самой гордости Джим бежит из города в город, как только то, что он скрывал, становится явным: "Его инкогнито, дырявое как решето, имело целью скрывать не личность, но факт. Когда же факт пробивался сквозь инкогнито, Джим внезапно покинул порт, где в тот момент находился, и отправлялся в другой порт..." (С.257). Джим, простой английский матрос, часть которого пострадала всего однажды, не может простить себе такого промаха. Поэтому, по нашему мнению, Конрад и дал герою титул, считая честь привилегией и ценность дворян.

Люди с таким складом характера и духовных ценностей, как у Джима, а именно храбрые и с первого же взгляда создающие впечатление честных малых, представляют собой такое сложное соединение, которому можно было бы дать условное название "храбрецы с умственным мужеством". Всё их мужество сосредоточено в мозгу, контролируется им и не идёт от сердца, от врождённой способности к подвигам. Такие личности - романтики, главная идея которых заключена с раннего детства в остром желании совершить что-то высокое, пережить приключение, в котором смогли бы себя проявить как герои. Подобные храбрецы с умственным мужеством ждут этот миг славы годами, но не имеют возможности и способности распознать его. Поэтому когда приходит время, герой теряется, не увидев этой возможности, и проявляет свою истинную природу - он "прыгает". А затем, внезапно осознав, что именно то и был его шанс, он хватается за голову, как Джим в разговоре с Марлоу: "Всё дело в том, чтобы быть готовым. А я не был готов... тогда. Я не хочу оправдываться, но мне хотелось бы объяснить... чтобы кто-нибудь понял... кто-нибудь... хоть один человек!" (С.319), "Ах, какой случай упущен! Боже мой! Какой случай упущен!" (С.321).

Существует одно обстоятельство, которое, казалось, могло бы удержать Джима от активной стратегии наказать себя как можно существеннее: подруга, что явля-

ется классическим приёмом направления дальнейших действий главного героя. Именно любимая женщина в большинстве произведений наталкивает, раскрывая главному герою глаза на тот или иной факт, предопределяет правильность решения. Примером в русской классике служит Соня Мармеладова, подтолкнувшая Родиона Раскольникова сознаться в убийстве старухи-процентщицы. Но роль женщины в данном произведении Джозефа Конрада "Лорд Джим" сводится на нет. Джим любил женщиной, которая пытается задержать его, что-то сделать во имя его спасения, но ему не нужна сейчас эта любовь, служащая лишь помехой на дороге к идеи - идее искупления греха. Лорд Джим тяготится в некоторой степени любовью девушки, потому что любовь ревностна и требовательна, излишне заботлива и жертвенна. Джим не может раскрыть существу, обожающему его, свою болезненную тайну. И страдают от этого обе стороны. Девушка Лорда Джима не может разделить с ним его участь. Он не позволяет ей, потому что она, в отличие от Сони Мармеладовой, не принадлежит к людям, отягощённым грехами. Следовательно, она не поймёт, она чужда этому, она чужая.

В "Лорде Джиме" Д.Конрада главный герой, который не может забыть того, что давно уже забыли другие, сознательно наказывает себя сам, пытаясь всячески искупить свою вину дальнейшими действиями. Джим бежит от "большого света" к малайцам, где снова принимает на себя ответственность. Впрочем, и в этом случае оправдывается латинское изречение *fata viam invenierunt* (от судьбы не убежишь), поскольку по его оплошности гибнут вверенные ему люди. И снова Джим, как и на суде, мог бы избежать наказания, но он добровольно принимает смерть как идею, которая освобождает его от преследовавшего чувства вины, причём не потому, что это конец, а из-за того, что на этот раз это тщательно подготовленная возможность показать себя героем, хотя и при таких роковых обстоятельствах. Так, на примере образа Джима Конрад показывает естественную закономерность следования за совершением преступления наказания как добровольного искупления вины.

Анотація

У статті розглядаються на матеріалі роману англійського письменника Д.Конрада "Лорд Джим" психологічні особливості втілення традиційної проблеми покарання за злочин, визначаються відмінності вирішення її О.Пушкіним, Ф.Достоєвським.

The psychological peculiarities of embodiment of punishment for crime as traditional problem are contemplated on the basis of English writer Joseph Conrad's novel "Lord Jim" in the article. The author defines distinctions of resolution this problem by A.Pushkin, F.Dostoevsky.